

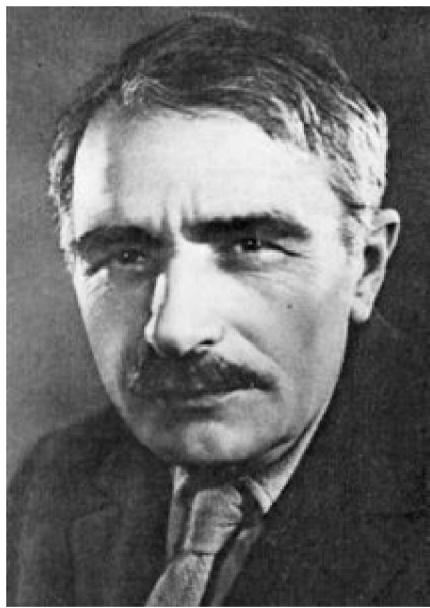
С переселенцами

15.02.-07.03.2018

Биробиджанер Штерн

Предисловие переводчика

У биробиджанцев, неравнодушных к идишистской художественной литературе, псевдоним писателя Пинхаса Кагановича – Дер Нистер – что называется, на слуху. Жаль, что произведения репрессированного в СССР Дер Нистера на русский язык не переводились.

С нашим Биробиджаном писатель познакомился в июне 1947 года, прибыв на Дальний Восток в качестве сопровождающего переселенческий эшелон. Некоторое время писатель провел в областном центре, описывая свои недавние дорожные впечатления. А писать ему было о чем: поезд, в котором ехали будущие новоселы Еврейской автономии, в дороге с Украины находился без малого три недели (!).

Теперь несколько подробней о судьбе автора художественного очерка «С переселенцами», предлагаемого здесь нашим читателям. Дер Нистер был причастным к литературному творчеству еще в царской России и был одним из активистов «киевской группы» идишских писателей-модернистов. Но с приходом в Киев советской власти писатель

эмигрировал в Германию. В 1926 г., вернувшись в СССР, Дер Нистер – горячий сторонник хасидизма – старался держаться подальше от советской общественной жизни и акт учреждения Еврейской автономной области принял, в общем, равнодушно. Ему, культурному и высокообразованному человеку, судя по всему, был очевиден смысл большевистского интернационализма, суть которого заключалась в «ползучей» русификации многонационального населения СССР, что закономерно вело к размыванию устоев и ценностей национальных культур прежде всего в среде немалочисленных этнических групп. Тем или иным образом писатель стремился выразить свои взгляды на происходящее, что в пору кампанийской «борьбы с космополитизмом» обернулось для него арестом и в последующем – тяжелой болезнью и смертью в лагерной больнице.

Добавим, что во время написания очерка «С переселенцами» у Дер Нистера еще теплилась надежда на последовательное и устойчивое воплощение в жизнь всего того, что инициаторы и первостроители Биро-Биджана связывали с появлением на Дальнем Востоке второго варианта «земли обетованной» – Еврейской автономной области.

Перевод с идиша Валерия Фоменко

С переселенцами

Очерк

Кто едет в эшелоне? Что представляет собой переселенческий контингент? О, кого только здесь нет! Профессии и специальности? Самые разные. Какие вы себе только представить можете. Начиная с уличных портных и сапожников до специалистов по прокладке дорог. В длинном перечне разных-всяких ремесел трактористы и резники (да-да, и таких птиц волею судьбы занесло сюда); бондари, из одежды которых, кажется, еще не выветрился запах бочонков, обрущей и клепок; высококвалифицированные мастера-инструментальщики и все многие прочие, включая сюда столяров, плотников, слесарей, токарей, стекольщиков, портных, закройщиков, кожевников и... Да кто бы только взялся перечислить их всех?

Ну а если несколько подробнее об этом же. Вот едет женщина – начальник почтово-телеграфного отделения, которую оттуда, где она в этой должности состояла, ее никак не хотели отпускать, зная, что в области, куда она решила уехать, ей, даже опытному человеку, непросто будет найти точно такую же работу. А вот напротив этой женщины сидит туговатый на ухо бледнолицый мужчина с черными, как смоль, усами и бакенбардами, парикмахер. В городке, который он покинул, доходы в парикмахерской были у него не ахти какие, поэтому он иногда прирабатывал в местной капелле, если в ней, случалось, уходил в запой тромбонист.

Вот едет бывший извозчик-балагула или, выражаясь по-современному, завтранспортом, еврей с красноватыми белками глаз, любитель крепкого словца и, как говорят, по месту своего жительства не однажды выходивший победителем из им же самим затеянных потасовок. Ближе к нему все время старается держаться группа молчаливых мужчин и женщин с типично славянскими лицами, на которых лежит печать набожности и отчужденности. Судя по всему, это члены секты иудействующих христиан.

Едут на Дальний Восток евреи-колхозники из Крыма и других сельских местностей – люди, легко узнаваемые по загорелым лицам и подержанной манере держаться не очень похожие на евреев. А рядом с сельчанами – как полная им противоположность – занимают в вагоне места непоседливые, шумные и суетливые городские жители, обложенные чемоданами и узлами со всякой всячиной.

Едет 56-летний мясник, по телосложению словно бы грубо выдолбленный из чурбана, громкоголосый, с единственным передним зубом во рту. Примечательно, что человек этот совсем недавно женился на молоденькой. А вот у вагонного окна сидит старый партизан, почти тридцать лет назад воевавший в конармии Буденного. Он до сих пор носит длинную кавалерийскую шинель и потертый шлем с нашитой вылинявшей красной звездой. И хотя, как он рассказывает, ему пришлось повоевать и в последнюю войну, но весь он, кажется, пропах потом и пороховым дымом той, еще Гражданской, войны.

А вот – полный антипод бойцу-ветерану – ладно скроенный крепкий парень, заводской рабочий, задумчивый и на диво молчаливый (хорошо, если за целый день пару фраз от него услышишь). Зато вместо него с поразительной проникновенностью умеет говорить его баян, с которым он заглядывает в соседний вагон, где вечерами обычно собираются девушки. И когда, сменяя одна другую, начинают звучать задушевные мелодии, каждая из слушательниц старается оказаться поближе к баяну и к баянисту. Одной из них это удается чаще всего.

Еще один пассажир эшелона с переселенцами – разбитной хлопец лет семнадцати-восемнадцати, тоже, как он говорит, из рабочих. Его отличает буквально ежеминутно меняющееся выражение лица и тонкие губы, как будто не позволяющие ему широко улыбаться, поэтому он смеется одними глазами. В свои годы этот юноша успел не только приобрести специальность, но и добиться заметных успехов в спорте, если точнее – в акробатике. Его мускулистые руки и грудь, как у какого-нибудь бывалого матроса, едва ли не сплошь в татуировках – изображениях причудливых змей, орлов с распластанными крыльями и девушек с русалочьими хвостами.

Коротко говоря, вы здесь везде и всюду угадываете приметы, знаки и волны нового времени, так сказать, стиль модерн. Волны те, конечно же, не имеют никакого отношения к воде, а ощущаются здесь и сейчас, на очередном перегоне железной дороги. И волны эти порождены вовсе не потопом, они зримые последствия великой всесветной войны – войны, которая потрясла и изменила мир навряд ли меньше, чем тот библейский потоп...

Вы имеете здесь дело и с поколением, выросшим, что называется, на советских хлебах, и не с одним поколением людей, которых растили и формировали иные времена. Взять для примера хотя бы вон ту старуху откуда-то из-под Гайсина. Ей недавно стукнуло ни много ни мало целых 96, и она, должно быть, помнит еще царствование потомков короля Яна Собесского... Лицо у бабуси под цвет земли, но голову она держит еще прямо, без труда справляется не только со всеми своими делами, да и для семьи нисколько не лишняя. С окружающими бабушка эта тоже общается не хуже других. Одна беда – из-за отсутствия у старой зубов во рту она слова выговаривает нечетко.

Едут в поезде люди, изъясняющиеся на разных диалектах идиша, – волынском, крымском, одесском, но по большей части – на подольском. Есть люди, для которых идиш что твой хлеб насущный, есть и такие, кто не слышал идиша даже в родительском доме, и сейчас они явно стыдятся своего незнания, втайне мечтая, прибыв к месту назначения, приняться, наконец, за изучение родного языка своих предков. В числе таких евреев есть люди, которые уже давно питали надежду когда-нибудь перебраться в Ерейскую автономную область и, незнакомые с еврейским языком, начали учить его заранее, добившись при этом определенных успехов. Как, скажем, вон тот уже немолодой инженер, который читает, пишет и даже более-менее сносно говорит на мамэ-лошн, хотя именно так – сносно более или менее.

Короче говоря, если подводить своего рода итог вышесказанному, придешь к выводу, что в переселенческом эшелоне перед вами открывается поразительно пестрое смешение типов, образов и образцов, родов и примеров, речений и персоналий, которое даже искушенного специалиста в области демографии заставит погрузиться в глубокое раздумье, как человека, остановившегося с открытым от удивления ртом перед впервые увиденным им морем. И в такую лекцию вместил бы все, что можно сообщить о пассажирах переселенческого эшелона, кабинетный ученый-статистик, до сего дня пребывающий в твердом убеждении, что знает о предмете своих повседневных занятий решительно все?..

Вот едут люди, которые желали бы просто благополучно устроиться на новом месте в плане чисто материальном, что и естественно, и объяснимо. У других наряду с этим проявляется стремление жить и трудиться там, где живут и успешно трудятся люди одной с ними национальности. Пусть на первых порах, как говорится, уж будь что будет, но чтобы жить там... Это в полном смысле слова пламенные энтузиасты, готовые даже чем-то и поступиться, но чтобы находиться в автономной, то есть в самостоятельной и

самоуправляющейся области – области еврейской. И разве ради этого не стоит преодолеть туда дорогу, опоясавшую пускай едва ли не полсвета? Как, например, полагает вот этот интеллигентного вида мужчина, бывший патриот Палестины, личность с довольно богатой биографией. В юности человек этот загорелся идеей колонизации Палестины и воспыпал отнюдь не платонической любовью к той далекой земле на юге, а любовью настоящей, деятельной... Оставил в России богатого отца, давшего сыну неплохое образование, юный энтузиаст, ведомый романтической мечтой и имея в кармане буквально считанные рубли, пустился в дорогу к обетованной (но, к сожалению, не ему) земле. Заразившись, как ему казалось, благородной идеей, ради нее он был тогда готовым взяться даже за самую тяжелую, пусть даже грязную работу. И какой-то другой работы для него на новом месте действительно не оказывалось. Одно время ему пришлось побывать даже в роли ассенизатора. Потом его избили и, что называется до нитки обокрали, потом он слег с малярией, потом... Короче говоря, целый ряд сугубо неблагоприятных обстоятельств вынудил незадачливого колониста основательно пересмотреть свои взгляды, пережить немало лишений и унижений, предшествовавших его возвращению из Палестины и сопровождавших в конец разочарованного в своих идеалах юношу на протяжении всей его дороги в родной Тирасполь.

Теперь тот романтический юноша превратился в умудренного жизнью мужчину, которому вот уже за пятьдесят. Но разве мы навсегда и насовсем расстаемся со всем тем, что было пережито и перечувствовано нами при вступлении в самостоятельную жизнь? И теперь так и не состоявшегося палестинца ни днем ни ночью не оставляет горячее желание как можно скорее увидеть реальное воплощение своей давней романтической мечты. В нем вновь пробудилось и с новой силой дает о себе знать стремление быть рядом с первоходцами и покорителями новых земель и вместе с тысячью пассажиров этого переселенческого эшелона принять на себя пусть даже нелегкий груз будничных дел и забот. А ведь на Дальний Восток будут идти еще и новые эшелоны с новыми тысячами людей, прекрасно знающих цену упорного труда – труда, способного преобразовывать земли на любой географической широте и по праву поименованного у нас в стране делом чести, доблести и геройства...

Да, такие люди и едут сейчас в поезде, составленном из почти полусотни вагонов, – поезде, который преодолевает вот уже десятую тысячу километров по необъятным просторам Советской страны. И хотя утомительную жару летних дней временами сменяют короткие дожди, пассажиры неторопливого переселенческого эшелона в большинстве своем чувствуют себя таки порядком измотанными долгим пребыванием в густонаселенных вагонах... Потому можно легко понять характер интонации, в которой все чаще звучат вопросы типа «Ну и сколько, вы думаете, километров нам еще дотуда остается ехать?». В ответ же, как правило, звучит полуслутливое-полусерьезное: «О чём вы говорите? Да и кто это может знать? А уж если едешь строить Биробиджан, никакие километры считать не надо. Дорога короче покажется».

Однако не пора ли перейти от описания переселенческого контингента вообще к частностям, к деталям, которые, надеюсь, дадут гораздо более полное представление о человеческом материале? Начнем мы, пожалуй, с людей молодых и самого первого представим вам здесь семнадцатилетнего Мангерла.

Всякий раз, когда поезд прибывает на очередную станцию или когда он, не доехав до нее, останавливается перед закрытым семафором, а народ каким-то образом чувствует, что остановка предстоит продолжительная, то самым первым пассажиром, которого можно

будет увидеть на перроне или (во втором случае) на придорожной луговине, непременно оказывается тот семнадцатилетний паренек в выгоревшей майке «под тельняшку» и в плоской, видавшей виды кепчонке, с которой он никогда не расстается не оттого, что явно пренебрегает остальными предметами одежды (да ведь и лето во дворе), а потому, что кепка эта, кажется, его единственная ценимая им собственность, с которой он не готов расстаться ни в ближайшем городе, ни в чистом поле, ни (что тоже не исключено) даже на краю света. Ни в чем другом этот паренек не нуждается и ничем другим не располагает, кроме растатуированных рук в карманах, в которых совершенно точно ничего нет, и сверх того – настороженно-острого бокового взгляда, как у какого-нибудь зверька, пробравшегося в закром.

Слегка наклоненную голову парень постоянно держит чуть повернутой в сторону – так, будто готов в любой момент молниеносно оборотиться всем корпусом назад или вскочить на подножку вагона еще за полсекунды до того, как состав тронется с места. Исключительно сильная сторона юноши – убедительно говорить и интересно рассказывать о чем угодно, что за дорогу стало хорошо известным едва ли не всем обитателям остальных вагонов. Причем, как я заметил, некоторые из ровесников парня определенно начали подражать ему даже в его манере буквально взлетать на ступени вагона уже набирающего ход поезда. Заметней всего копируют поведение татуированного его знакомцы по прежнему месту его проживания, в числе которых есть парни и постарше обладателя неснимаемой кепки. Без сомнения, он и для них личность авторитетная.

Ну и далее... Каждый раз, когда мы ехали поначалу по дорогам европейской части страны, а позднее – по азиатской: через Урал, Западную Сибирь, Сибирь Восточную, а потом уже по земле Дальнего Востока, всегда можно было наблюдать, как во время продолжительных пауз в движении, – останавливался ли наш поезд утром, днем или вечером где-нибудь посреди безлюдной равнины, – как, покинув душные вагоны, семнадцативсемнадцатилетние парни, усевшись в кружок подле насыпи прямо на траве, вели дружески-доверительные беседы на известные им одним темы. Нередко двое или трое из этой компании, прервав общий разговор, начинали петь. Обычно при этом звучали песни гетто и лагерей, внимательно выслушиваемые остальными собравшимися с сочувственно-серъезным видом. По-моему, чаще всего здесь исполнялась просительно-жалобная песня уличного торговца. Помните ее начало?

Купите, койфт же папироисн,

Трукэнэ фун рэгн нит фаргосн...

Эту, как и другие невеселые песни, исполнители и их слушатели принесли сюда из тех мрачных лет, когда мальчишки эти, оставшись на оккупированной фашистами территории, вместе с родителями стали заключенными Печоры, Николаева и других лагерей. И сколько таких детей, сумевших таки выжить в кошмарных условиях гетто, вышли из неволи круглыми сиротами! Остается от всей души пожелать, чтобы на свободе, став пассажирами эшелона дальнего следования, который остановится, наконец, в краю, где в предстоящих им трудах и заботах выветрятся из памяти юношей и девушек перенесенные ими в прошлом тяжелые утраты, и уже повзрослевшие люди эти обретут свое счастье на новой земле.

А запевают «дорожные» песни обыкновенно уже описанный здесь мною Мангерл и паренек постарше в давно утратившей свой первоначальный цвет гимнастерке и помятой фуражке с черным околышем, доставшимися хлопцу от красноармейцев-артиллеристов или

партизан. Причем по лицу этого парня сразу и не скажешь, кто перед вами – еврей, русский либо украинец. Но «спивает»-то он на каком языке и едет куда?..

Нередко к дуэту поющих присоединяется парень намного старше их – забойщик скота из Могилева-Подольского, чубатый здоровяк с мощным торсом. Этот, успев за короткое время перепробовать себя в нескольких ремеслах, остановился на специальности вышеназванной. И, как кажется, неспроста: достаточно одного взгляда, чтобы оценить телосложение парня. Ему, сдается, ничего не стоит, ухватив за рога молодого бычка, одним движением уложить того на землю. «Не-е, мое место только на бойне, – пробасил как-то в разговоре со мной этот парень. – Я и на забое стоять могу, и на разделке туш, и на обработке шкур. А если надо, то и мясом торговать...»

А вот паренек в фуражке артиллериста – сапожник. Впрочем, как выяснилось позже, и Мангерл – тоже сапожник, сын сапожника и внук человека той же профессии, как, если помните, один из героев Шолом-Алейхема. Дед Мангерла, как рассказывают, мимо рта чарку не проносил. Может быть, оттого его внук отличается розовым до красноты цветом лица? У невысокого роста Мангерла обращает на себя внимание его крадущаяся походка. Передвигается он так, будто в любой момент ждет чьего-то нападения и готов вмиг увернуться от неожиданной опасности. Но что поделаешь с памятью и привычками – со всем тем, что всем существом своим усвоил этот юноша в Печорском лагере, будучи еще совсем мальчишкой? Причем (об этом далее подробно) стал он тогда не просто одним из многих невольников, а человеком, получившим несколько странное (но зато какое!) прозвище – «Маленький московский мессия». Потому как сумел вывести из проклятого места и из их отчаянного положения две тысячи евреев из тех двенадцати тысяч, что ожидали в той Печоре неминуемой гибели. Две тысячи! Остальные десять навеки так и остались там, в пропитанной слезами и кровью земле...

– Да я бы, может, ни в жисть бы не поехал в эту вашу Еврейскую автономную область, – с характерным могилево-подольским выговором заявил мне как-то Мангерл. – Да еще вот так – во всем, в чем я здесь перед вами стою. Точно вам говорю, не поехал бы!

– И зачем же ты таки поехал?

– А то, что вот это самое у меня там, сколько мне надо, точно будет, – выразительно потер мой собеседник в ответ большим и указательным пальцами. – Трудности, говорите? Да меня-то ими не испугаешь. Я ж лагерь прошел. Вы цэ хоч розумиетэ?

От партии в начальной школе его оторвала война, так что много учиться пареньку не довелось. Потому-то в его речи пестрят русские и украинские слова, а подчас прозвучит и парочка немецких. Понятно, где и как он их усвоил. Только как? Немецкое «штрассэ» (улица) он, например, всерьез считает назвианием и как-то обронил в разговоре: «Та жинка на улице Штрассэ проживала».

Но все это ничего. Парень еще покажет себя, если попадет в добрые руки, что даст ему возможность проявить все свои лучшие качества, которыми он, без сомнения, обладает. Кроме того, при случае на него всегда можно положиться. А убедительным доказательством этого могут служить его рассказы обо всем, что связано с его пребыванием в Печорском лагере, где неспроста его, тогда еще совсем мальчишку, стали называть маленьким мессией (т. е. спасителем – **прим. перев.**). Благодаря ему, Мангерлу, остались в живых две тысячи людей. Слышите, целых две тысячи?! Что наверняка сделало бы честь даже герою какой-нибудь легенды...

Вот что мне удалось узнать об этой истории от главного ее лица. Однажды он, Мангерл и его одногодок-приятель, незаметно для охраны выбравшись за пределы лагеря, оказались в ближнем лесу. Хотя дело было летом, Мангерл перед той рискованной вылазкой сильно простудился и у него был сильный жар. Не очень четко осознавая происходящее, мальчишка шел, как говорится, куда глаза глядят. За ним послушно следовал его дружок. А через лес, в котором оказались беглецы, как оба они слышали от взрослых, можно было выйти к Могилеву-Подольскому – городку, где, как говорили, условия тамошнего гетто были не такими жестокими и бесчеловечными, как в Печоре. (Как рассказывали мне биробиджанцы – в прошлом бывшие малолетние узники Печоры, – немцы или румыны, охранявшие лагерь, каждую неделю расстреливали десяток-полтора заключенных, уже не способных к какой-либо работе по причине полного истощения. И неспроста тому Печорскому лагерю было присвоено зловещее название «Мертвая петля» – **прим. перев.**). Окончательно ослабевший от ходьбы, больной Мангерл буквально валился с ног, но перед тем, как прилечь отдохнуть, будучи в полуబессознательном состоянии, он воткнул у изголовья обломок сухой ветки – знак, указывающий нужное направление к Могилеву. Однако, очнувшись от беспокойного сна, больной обнаружил эту ветку зажатой у себя в кулаке. Ориентир был безнадежно утерян...

– Я тогда у него и спрашиваю, – кивает Мангерл на парня в фуражке артиллериста, – что, мол, делать-то нам теперь, куда идти? Он – в слезы. Лес он не лучше моего знал. Да ведь и желторотый совсем, – добродушно шутит рассказчик, улыбнувшись товарищу. – И не турист, и не географ. Хотя вообще-то он у нас, я хочу вам сказать, парень с головой. Я отлеживаюсь, а он потыкался туда-сюда, – и что вы себе думаете? – таки дошло до него наконец, как нам из того леса выбраться. Правда, не к Могилеву, а обратно «нах хаузэ» (то есть «домой», в лагерь – **прим. перев.**), – заключает Мангерл свой рассказ в таком тоне, словно только что описывал не опасное приключение, а ночной набег ватаги озорных хлопцев в чужой сад...

Потом я узнал, как он, в те годы низкорослый, худенький, но на удивление шустрый парнишка, ведя ночью через тот самый лес группу узниц, отважившихся бежать из лагеря, наткнулся на изрядно подвыпившего украинца-полицая. Тот был один (а вокруг – темень), и, видимо, не желая для себя вероятных осложнений, он не стал поднимать лишнего шума, а потребовал у проводника выкуп. Мангерл не растерялся и, пользуясь темнотой, сунул в руки незадачливому взяточнику какой-то узелок, сказав, что там у него две сотни немецких марок. А когда «господин полицай», развернув узелок с подачкой, никаких денег там, понятно, не обнаружил, он был готов тут же прикончить наглого жиденка.

– Ладно, если вы хотите убить меня, будь по-вашему, – не утратив ни капли спокойствия, заговорил обманщик. – Да только поберегитесь: Господь наш всегда берет у человека око за око и зуб за зуб. Так сказано в Святом Писании. Убьете меня – сами скоро одного человека в своей семье потеряете.

Да, полицай тот когда-то что-то слышал об этом же, кажется, от родителей. Мальчишка, меж тем, продолжал:

– У меня же еще ни отца, ни матери. Круглый сирота я, в своем роду – последний. И по закону и по справедливости убийце такого человека, как я, самому считанные дни жить останется. Уж вы поверьте мне, пожалуйста...

– Одним словом, – с печальной и одновременно иронической улыбкой подвел итог своему рассказу о смертельно опасной для него встрече в лесу «маленький мессия» образца тысяча девятьсот сорок второго года, – облапошил я тогда того вонючего козла.

Честно сказать, мне не хотелось бы излагать здесь окончание рассказа Мангерла о той его неожиданной встрече с жадным и трусливым подонком, но… В общем, поладив с суеверным полицаем, мальчишка вернулся к ожидающим его в густом кустарнике женщинам и обратился к ним примерно с такими словами:

– А ну-ка, девушки-женщины-старушки, выкладывайте-ка мне все, что у вас фрицы да гансы отобрать не успели. И одежонку жалеть не надо. Да-да. А то я сейчас и один отсюда могу уйти.

Что тут оставалось делать беглянкам?..

.....

– Кхм-кхм… – услышал я за своей спиной негромкое покашливание – характерный звук, когда человек, перед тем, как заговорить, хочет немного прочистить горло или пытается, проплакавшись, скрыть невольные всхлипы. А звук этот коснулся моего слуха как раз после того, как Мангерл закончил свое повествование о случившемся с ним на опушке ночного леса.

Обернувшись, я встретился глазами с пожилым евреем, моим близким соседом по вагону – человеком, с которым, помню, еще в день нашего отъезда я перебросился двумя-тремя малозначащими фразами. Несколькими часами позже всего того, что мы услышали от Мангерла, заговорив с соседом о явно неординарном эпизоде в жизни отчаянного мальчишки из Печорского лагеря, я услышал от собеседника почему-то хорошо запомнившиеся мне слова: «Да, сегодня уже можно предполагать, какое будущее мы *там* построим с такими людьми, как этот юноша» и еще: «Как вы думаете, как бы поступил наш великий учитель Моше-рабейну с мальчишкой-проводником, если бы увидел, как тот обошелся с несчастными женщинами? Я бы, знаете ли, этому герою в таком случае не позавидовал…»

Да-да, я уже говорил о том, насколько прямо-таки разительно непохожие друг на друга люди едут в переселенческом эшелоне. И больше-то всего не пол и возраст и даже не внешний вид отличает нас, живущих, одного от другого, а мысли, слова и поступки наши. А безусловно объединяет всех нас в эти дни только то, что движемся мы сейчас по одним и тем же рельсам в опять-таки для всех нас общем направлении.

Впрочем, как мне кажется, довольно философствовать и перейти к темам будничным и прозаическим. А если уж отталкиваться от только что, надеюсь, прочитанного вами, расскажем о старшем брате Мангерла. Если его, Мангерла, справедливо будет считать пока еще не сапожником, а только учеником сапожника, то его двадцатипятилетний брат – человек уже, кажется, женатый – мастер-сапожник на все сто процентов. Невысокого, даже ниже среднего роста, его, как и его братишку, отличает розово-красный цвет лица. Но, судя по всему, это у него не родовое наследство, перешедшее от деда, неравнодушного к спиртному, а черта явно благоприобретенная.

Брат Мангерла носит сапоги с высоченными голенищами, держится уверенно, на ногах стоит твердо. На голове его красуется казацкая шапка-кубанка, из-под которой, как оно и

положено у казаков, выбивается пышный чуб. Вечерами сапожник приводит себя в порядок и во время долгих стоянок поезда всегда выходит из вагона и чинно прогуливается с приятелями по перрону или по придорожной поляне.

Надо сказать, что человек, о котором мы говорим, – типичный сапожник с присущими, как считают в народе, вообще всем сапожникам причудами. У этого тоже своя странность: он мастеровой-сапожник всегда – в смысле сегодня, завтра и каждый целый день. Прихватив с собой в дорогу объемистый ящик с инструментами, он с самого утра садится на импровизированную скамеечку и, почти не отрываясь от дела, что-то там шьет, что-то подбивает, латает, чинит и приколачивает. Так что благодаря ему уж, наверное, не один десяток переселенцев сойдет на перрон биробиджанского вокзала в крепкой и исправной обувке.

Брат Мангерла, между прочим, тоже из числа тех, кого этот отважный паренек вывел из гетто. А уже на освобожденной от фашистов территории бывший пленник надел солдатскую шинель, прошагав в ней до самого Берлина. О том, как он воевал, свидетельствуют его боевые награды – ордена и медали, которые украшают грудь трудолюбивого мастера и которые он в дороге, как я заметил, ни разу не снимал. Геройство своего братишки сапожник считает отчасти и своим. В то же время невольно обращаешь внимание на то, с каким уважением он относится к Мангерлу, как, несмотря на свое старшинство, слушает и как слушается его, всегда и беспрекословно следуя его советам, пожеланиям, а случается, потакая и капризам своего младшего.

... Тот день был на диво светлым, солнечным и для самого начала лета необычно жарким. Тишину над желто-зелеными, выкошенными с осени полями, нарушали только заливистые песни жаворонков. Глубокая синева неба лишь с одной, восточной, стороны горизонта была обложена белоснежными по краям и пепельными посередине облаками, неспешно ползущими в направлении, известном только им да теплому июньскому ветерку.

В тот самый день в нашем эшелонеправляли свадьбу. Новую семью решили создать парень и девушка – таких же, как и большинство пассажиров поезда дальнего следования, которые либо вернулись с фронта, либо прошли в оккупации лагеря, обитатели которых были изначально обречены на полное уничтожение. И разве нельзя с абсолютной правотой утверждать, что предельно скромное бракосочетание в дороге, – а если хотите, на конкретном отрезке исторического пути нашего народа, – может служить символом возрождения народа и продолжением этого исторического пути, едва ли не оборванного окровавленным топором небывало жестокой войны?

Любую свадьбу можно описать вполне добросовестно, хотя, конечно, и по-разному, хотя, разумеется, с непременным упоминанием горячей любви и верности, вложив в описание максимум поэтического подъема. Ну а описание бракосочетания в переселенческом эшелоне можно было бы вдобавок снабдить, например, еще и броским заголовком «Свадьба на колесах». Я со своей стороны мог бы к этому добавить, что местом двухчасового обряда по всему необычного обручения молодых невеста выбрала вагон, в котором ехал я, потому как, по ее мнению, будучи человеком искушенным и ко всему прочему представителем прессы, я не мог не знать, как по правилам должна проходить церемония благословения будущих молодоженов. Кстати будет сказать, что накануне этого торжественного акта, как заведено исстари, невеста должна выдержать однодневный пост, плакать и каяться в грехах, дабы вымолить себе счастье в будущей семейной жизни...

Правда, если повести речь о положенном по обычаю предсвадебном плаче невесты, то «наша» невеста еще задолго до того ею стать, пролила столько слез, что их, кажется, на целое море бы хватило... Так что перед обручением нет, она не плакала, она говорила, она рассказывала – рассказывала о том, о чем в десятках самых разных вариантов могли поведать и все те, кто сейчас слушал ее здесь, в эшелоне. Да разве только в этом эшелоне и только в нем одном? Везде и всюду, где огнем и громом накрыла землю война, она стала несчастьем целого народа, смертью или безутешным горем каждого, кто был евреем по рождению, по крови и по воле судьбы...

Это случилось на Винниччине, в городе Хмельник, где на глазах девочки был убит ее отец – отец, с которым они, крепко взявшись за руки, стояли в неровной шеренге евреев, выведенных на расстрел... Надо благодарить чудо, что она спаслась. Раненая, вся в крови, не будучи в силах даже отползти от места казни, девочка временами теряла сознание. Совершенно случайно, слоняясь с ровесниками по городской окраине, ее, полуживую, обнаружил подросток-украинец, по-мальчишечки влюбленный в нее, бывшую свою одноклассницу. Хлопчик, пока поблизости не было видно немцев, смог оттащить девочку немного в сторону от рокового места, где она пролежала, коченея от холода, до самого вечера, пока на том пустыре не закончилась эсэсовская «акция». Не без помощи и участия все того же паренька девушка со временем таки смогла поправиться и, «превратившись» в украинку, одно время подвизалась в роли служанки у немецкого офицера в местечке Калиновка, что недалеко от Хмельника.

Невеста говорит быстро, ее прямо-таки захлестывает стремительный поток воспоминаний, страшно волнуясь, она рисует картины прошлого, и нельзя не увидеть, как то, о чем она говорит, отражается на лицах ее слушателей. Девушка говорит, рядом сидящий с ней жених, не отрываясь, с изумлением следит за ее губами: чувствуется, что он плохо понимает речь в темпе *presto* (итал. – «быстро»). Удивляется: как же так – за считанные минуты – можно так много рассказать?

В завершение своего рассказа, с улыбкой полуобернувшись к суженому, невеста представляет гостям и его. Он тоже из Хмельника. Недавно вернувшийся из армии в родной городок солдат не нашел здесь никого из своих: все они погибли во время «акции», после которой только ей одной, сегодняшней невесте этого человека, и удалось остаться в живых. Сама она после освобождения Винницкой области от немцев тоже возвратилась в Хмельник. Там и было суждено им почти случайно встретиться. А знакомыми оба они были с самого детства. Упомянув об этом, девушка уже не могла сдержать слез, расплакавшись вовсе не ради соблюдения старинного обычая... В общем, двух осиротевших молодых людей сначала объединила их общая горькая судьба, а после, познакомившись как бы заново, они сблизились и решили объединиться уже по собственной воле и, разумеется, по любви.

Будущие супруги пригласили в свой вагон в гости и меня. Но из-за неважного самочувствия я, к сожалению, вынужден был приглашение отклонить. Но о том, что и как все происходило в «свадебном» вагоне несколькими часами позже, я узнал от многих из тех, кто ехал в вагоне моем. Мне рассказали, например, что бывший патриот Палестины тоже не удержался от слез, когда в голос заплакали женщины, готовившие невесту к обручению. Описали мне то, как и во что ее обряжали, какие угождения готовили к свадебному столу, сколько было куплено водки для гостей и сколько было приглашено на торжество железнодорожников из поездной бригады. В вагоне было тесно от приглашенных и от неизбежного скопления любопытных, которые, впрочем, особой помехи для участников шумного торжества некоторое время не представляли. Но когда по слухам свадебной

церемонии танцевали шер, его исполнителям и исполнительницам пришлось изрядно попотеть, выделявая сложные колена танца в условиях обременительной нехватки свободного пространства.

Однако (и прямо-таки ко времени) наш поезд стоял тогда на станции как будто дольше, чем обычно. Как и встречный состав, только что прибывший на станцию по соседнему пути – эшелон, пассажирами которого, как оказалось, были пленные японцы. Они, засыпав чужую музыку и став нечаянными свидетелями не знакомой им церемонии (а танцующие, воспользовавшись задержкой поезда, перешли на перрон), с удивлением созерцали происходящее, чем-то напоминая в эти минуты ночных птиц, разбуженных в середине дня и шурящих глаза от яркого света. Танцующие же, почувствовав, что «работают» еще и на зрителя, старались во всю. Широкие улыбки на лицах, раскрасневшиеся щеки, задорная мелодия, четкий ритм танца – все это создавало у участников свадебного торжества особое чувство тесного единства, сердечной близости и душевного родства. Как говорят, гуляй, евреи, как велит вам сердце и насколько позволяет карман!

В числе с интересом наблюдающих за развернувшимся на перроне редким зрелищем – группа местных, по-сельски одетых парней и девчат. Девушки не без легкой зависти оглядывают нарядную невесту, юноши шлют молодоженам белозубые улыбки: «Счастья вам, молодые!..»

А они, новобрачные, сегодня – таки да! – конечно же, в центре всеобщего внимания. Вот перед нами невеста – среднего роста плотно сложенная девушка с черными, как ночь, глазами. У нее крепкие плечи, залог будущего благополучного материнства – высокая грудь. Избранник видной дивчины – хотя в недавнем прошлом и солдат – смотрится далеко не столь внушительно, как его завтрашняя супруга. У него исхудалое лицо и взгляд, который он либо тут же опускает, либо отводит в сторону, когда с ним заговоришь. И сам он не сильно словоохотлив. В этом отношении его будущая жена – полная ему противоположность. Ну а вот что мне довелось услышать о жизни молодоженов в недавнем их прошлом. Когда они вернулись в родной городок, то за неимением какой-то другой работы оба записались в соседствующий с Хмельником колхоз. Так вот уже с первых дней она, то есть невеста, свободно выполняла в поле не меньше двух норм, а он, ее суженый, хорошо, еслиправлялся с одной. Ну да ничего: ведь если два человека работают за троих, это ж как будто совсем и неплохо. Ну и замечу кстати, что парни (уж хоть какие) в послевоенные годы были, что называется, нарасхват: не многим из потенциальных женихов суждено было вернуться с фронтов...

Все здесь рассказанное мной о «свадьбе на колесах», очевидно, надолго сохранится в моей памяти еще и потому, что тепло и свет того дня, щедро осиянного летним солнцем, так полно и органично сочетались с торжественным событием в жизни двух молодых людей. Совет да любовь им, как говорят по-русски.

Добавлю, что пассажиры из моего вагона, приглашенные на свадьбу, не возвращались на свои места до самого позднего вечера, а некоторые вернулись и совсем ближе к полуночи. Я же все это время так и не мог заснуть.

Едва ли не позже всех по нашему слабо освещенному вагону осторожно прокрался к своему месту мой пожилой сосед-«философ», который, увидев, что я не сплю, решил поделиться со мной собственным впечатлением о знаменательном событии минувшего дня:

– Да, все было хоть и бедновато, но зато и торжественно, и весело: два клезмера, один, как выражаются теперь, «служитель культа», без колец и с водкой вместо вина, но люди-то плакали и танцевали на свадьбе дочери и сына нашего чуть было не уничтоженного народа – детей всегда жизнелюбивой и вопреки всему всегда выходящей из всех огней и несчастий нации... Так что ура, лехаим!

При этих его словах мне в полумраке вагона вдруг показалось, что мой поднявшийся со своего места сосед держит в руке бокал.

– Лехаим! За жизнь! – ответил я в тон его восклицанию, тоже мысленно подняв перед собою бокал вина и живо представив себе радостные лица пассажиров эшелона, наблюдающих за бедными, но по-настоящему веселыми и радостными в этот солнечный день исполнителями старинного еврейского танца шер, посвященный ими, без сомнения, будущему счастью и благополучию невесты, которой суждено продолжать свой род – малую частичку нашего древнего народа.

1947 г.